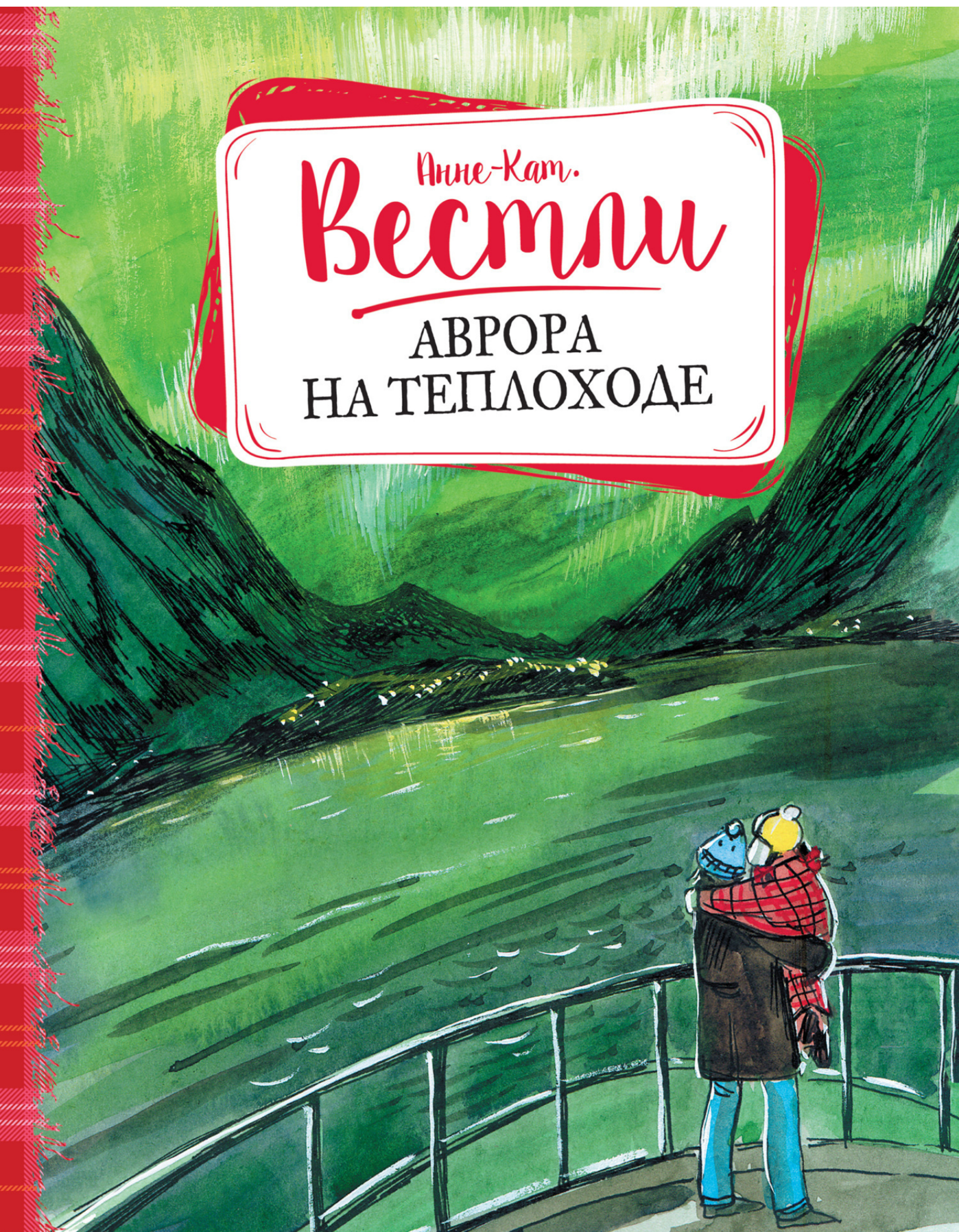


Анне-Кам.
Вестли

**АВРОРА
НА ТЕПЛОХОДЕ**



Анне-Катрине Вестли
Аврора на теплоходе

«Азбука-Аттикус»

1971, 1972

УДК 821.113.5-31-93
ББК 84(4Нор)

Вестли А.

Аврора на теплоходе / А. Вестли — «Азбука-Аттикус», 1971,
1972

ISBN 978-5-389-13904-6

Маме Авроры и Сократика предложили новую работу в городке Фабельвике, и вся семья отправляется в путешествие на север Норвегии. Сначала они едут на машине, потом – на поезде, потом на теплоходе и, наконец, на катере. Их ждут приключения и новые знакомства. Но особенно все обрадовались, когда к ним в гости приехали старые друзья вместе с бабушкой восьмерых внуков. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 821.113.5-31-93

ББК 84(4Нор)

ISBN 978-5-389-13904-6

© Вестли А., 1971, 1972

© Азбука-Аттикус, 1971, 1972

Содержание

Аврора на теплоходе	7
Один-единственный корпус «Ц»	8
Тирилтопен и остальной мир	15
День лужайки	20
Перемены	27
Только Нильс путешествует в одиночку	31
Рейсовый теплоход на север	36
«Гага» даёт гудки	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Анне-Кат. Вестли

Аврора на теплоходе повести

Anne-Cath. Vestly

AURORA PÅ HURTIGRUTEN, 1971

AURORA FRA FABELVIK, 1972

Aurora på Hurtigruten and the following copyright notice:

Copyright © Gyldendal Norsk Forlag AS 1971

Aurora fra Fabelvik and the following copyright notice:

Copyright © Gyldendal Norsk Forlag AS 1972

© Ерхов Б. А., перевод на русский язык, 2022

© Белоусова Е. Н., иллюстрации, 2022

© Издание на русском языке. Оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2022

Machaon®

* * *





Аврора на теплоходе



Один-единственный корпус «Ц»



Корпуса зданий в Тирилтопене отличаются цветом. Белые, жёлтые и серые, они стоят на широких лужайках.

Среди них выделяется один. Он тоже стоит на лужайке, но на особенной. Она вся поросла кустами красной и чёрной смородины, сливами и яблонями. Деревца совсем молоденькие, они тянутся к небу и гордятся тем, что уже живут.

Случалось, люди останавливались перед корпусом «Ц». Наверное, удивлялись. Кое-кто радовался, указывая на него, говорил что-то соседу и кивал головой, но были и другие – они смотрели на здание с раздражением, потому что оно отличалось от других.

А вы знаете, каким образом корпус «Ц» обзавёлся деревьями и кустами?

Когда-то давным-давно Аврора увидела, как мама Нюсси готовила варенье на зиму. Тогда в кухне стоял такой аппетитный запах! Авроре, после того как мама Нюсси наполнила банки, разрешили пальчиком собирать варенье со стенок таза и тут же отправлять его в рот. Ещё она помогла относить банки в кладовку в подвале и ставить их на полку. В тот же день Аврора подошла к папе и строго спросила его, будут ли они запастись вареньем на зиму или нет. Папа ответил, что идея варенья сама по себе очень хорошая, но уж больно дорого стоят ягоды и денег на них у него сейчас нет. Вот так. Ну и что? Папа с Авророй пошли в лес, собрали там малины и черники и сварили целую банку «чернично-малинового», как назвал его папа, варенья. Тут-то они и подумали о том, как было бы хорошо, если бы у их корпуса, на лужайке, росли ягодные кусты. Слово за слово, и папа нарисовал на бумаге план лужайки с растущими на ней кустами красной и чёрной смородины, сливовыми деревьями и яблонями. Рисунок получился такой красивый, что под щекой у Авроры тут же защемило, словно там была кислая ягодка.

Но папа не остановился на этом. Он взял с собой рисунок на общее собрание жильцов и выступил перед ними с такой зажигательной речью, что они его план одобрили. Конечно, некоторые заявили, что он говорит чепуху и ничего из задуманного не получится. Хулиганы погубят посадки – вот были их доводы. Но всё-таки большая часть жильцов посчитала его план заманчивым, и когда папа, мама, Аврора и Сократ вернулись из поездки в Голландию, первое, что бросилось им в глаза, были ягодные кусты и деревца на лужайке, а когда они пригляделись

к ним внимательнее, то обнаружили, что каждый ребёнок в их корпусе получил свой ягодный куст или плодовое деревце.

Общее дело объединило жильцов корпуса «Ц». Все ухаживали за посадками, а летом молодежь чуть ли не жалела, что уезжает из дома на каникулы, вместо того чтобы заботиться о своих собственных кустах и деревьях. Аврора и Сократ тоже ненадолго уезжали к папиной маме в Бесбю, но, когда вернулись домой, обнаружили на лужайке кусты с почти созревшей красной и чёрной смородиной.

– Может, соберём ягоды сразу же? – предложила Аврора.

– Нет, дадим им дозреть, – сказал папа. – Тогда они станут ещё вкуснее, к тому же я хочу, чтобы в сборе поучаствовала наша мама. В субботу у неё как раз короткий день на работе и она придёт из конторы пораньше.

Аврора свои ягодки ещё не собирала, но каждый день приходила на них смотреть. Нюсси делала то же самое. Она даже пересчитала ягоды на своём кусте и обнаружила, что их у неё больше, чем у Авроры, хотя у Авроры они были чуть крупнее, так что большой разницы между Нюссиными и Аврориными ягодами не было.

Аврора не брала с собой Сократа, когда навещала свой куст красной смородины. Он не понимал, что на лужайке растёт только один его собственный куст чёрной смородины, «Куст Сократа», и считал, что все остальные тоже принадлежат ему.

А из Кнута этим летом получился настоящий садовник. Он на каникулы не уезжал, потому что работал помощником сторожа, и чуть ли не поселился на лужайке. Кнут ухаживал за растениями и следил за тем, чтобы никто их не трогал. На его деревце появилось целых две сливы, и он ими очень гордился, потому что сливы обычно начинают плодоносить только через несколько лет, а не через год, как у него. Впрочем, охранять сад и ухаживать за ним этим летом было нетрудно – в Тирилтопене оставалось не много детей. Но ближе к осени они стали возвращаться, и подростки из других домов стали поглядывать на сад вокруг корпуса «Ц».

– Да у вас здесь целое поместье, – говорили одни.

– Ну и что? – отвечал Кнут. – За лето растения подросли.

– А почему только у вас растёт сад? – говорили другие. – Вокруг других корпусов их нет.

– Это потому, что так решили люди, которые живут в нашем корпусе, – объяснял Кнут.

– И вы, значит, заимели настоящую виллу?

– Нет, у нас на лужайке стоит всего один дом, – отвечал Кнут, нагибаясь и выдёргивая сорняки из-под своего сливового деревца.

– И вы считаете себя лучше других, – сказал подросток из тех, что побольше.

– Совсем нет. Вы можете посадить точно такие же кусты.

– Ты дашь мне попробовать хоть одну ягодку? – спросила одна девочка.

– Они не мои. Как же я могу тебе её дать?

– В субботу мы соберём ягоды, – сказала Аврора. – И Нюсси свои тоже соберёт.

– А я соберу урожай нескоро, – вздохнул Кнут и взглянул на свои две сливы – маленькие, жёсткие и зелёные.

На лужайку вышел папа и ещё несколько взрослых, и подростки из других домов ничего больше не спрашивали.

Они только стояли неподалеку и глядели на кусты, а потом повернулись, заговорили о чём-то между собой и пошли восвояси. Но, отойдя на некоторое расстояние, обернулись.

– Хорошо, что Кнут присматривает за кустами, – сказала Аврора, – они глядят на наши ягоды неспроста.

– Да, – задумался папа. – Плохо, что их так много и на всех ягод не хватит. Если мы раздадим ягоды всем, кто живёт в Тирилтопене, на нашу долю не останется ни одной. А теперь, Аврора, иди и ложись спать.

– А можно мне ещё немножечко здесь побыть? – попросила Аврора. – Сейчас в потёмках стало так интересно.

– Только недолго, – разрешил папа и ушёл.

– Мы ведь уже большие, – сказала Нюсси. – И можем выходить из дома, даже когда темнеет.

– Ага, – согласилась Аврора и оглянулась. Было ещё не совсем темно, но и не светло, и всем маленьким детям пора было спать. Сократ, наверное, давно уже купается в ванне, а они с Нюсси ещё гуляют.

Кнут тоже собрался уходить, хотя он и был старше. Ему надо было готовить уроки, и тут уж не важно – большой ты или маленький.

– Если вы здесь, в кустах, вздумаете играть в прятки, смотрите не поломайте ветки, – серьёзно предупредил он.

– Хорошо, – сказала Аврора. – Ну что, Нюсси, спрячемся!

– Сначала решим, кто будет водить. Давай посчитаемся! Я знаю одну считалку. «На златом крыльце сидели: царь, царевич, король, королевич, сапожник, портной, кто ты будешь такой? Выходи поскорей, не задерживай добрых людей!» Значит, водить тебе!

– Ничего подобного, я выбыла по считалке, а это значит – водить тебе, а я спрячусь. Я тоже знаю считалку: «Эники беники, съели вареники, эники беники, хлоп, съели вареники – стоп!»

– Ну вот, «стоп» – на мне, значит, водить тебе!

– Может, мы потянем травинки разной длины? – предложила Аврора.

– Нет, если мы так будем гадать, у нас никогда ничего не получится. Давай водить по очереди, я согласна водить первая.

– Я тоже могу водить первая.

– Но я уже решила. Я посчитаю до трёх миллионов и пойду тебя искать, но ты должна спрятаться где-нибудь здесь, на лужайке у дома.

– Здесь в кустах? – спросила Аврора.

– Да. Один, два, три, четыре, пять, шесть, восемь, десять, двенадцать, тринадцать, четырнадцать, восемнадцать, девятнадцать, сорок, пятьдесят, сто, сто много тысяч, миллион трёх миллионов, кто не спрятался, я не виновата.

Сначала Аврора спряталась за кустом, который назывался «Красная смородина Авроры», но потом решила, что это глупо – Нюсси будет искать прежде всего здесь, и она полезла дальше и спряталась за маленьким кустом чёрной смородины.



А Нюсси уже искала её всюду. Она залезла под каждый куст, и, хотя уже стемнело, Аврора хорошо её видела. Было так смешно смотреть, как Нюсси бежит по кустам, но Аврора постаралась сдержать смех. Она как раз стояла на четвереньках носом в землю. Ах, как хорошо здесь пахло! Не только землей и травой, но ещё и ягодами. В субботу она соберёт ягоды. Мама сказала, что засыплет их сахаром и добавит в них ванильного крема, а из оставшихся ягодок и чёрной смородины Сократ приготовит варенье на зиму.

– Ах, вот ты где, – нашла её Нюсси. – Теперь твоя очередь водить. Ты умеешь считать до трёх миллионов?

– Нет. Но я знаю число, которое даже больше, чем миллионы, и оно называется миллиард.

– Только не считай слишком быстро, – предупредила Нюсси.

Аврора произнесла про себя много чисел и, когда решила, что насчитала достаточно, сказала:

– Миллиард. Раз, два, три, четыре, пять, я иду искать! Кто не спрятался, я не виновата.

Когда она открыла глаза, стало ещё темнее, и куст красной смородины перед ней стал чёрным. Нюсси нигде видно не было. И Аврора вдруг услышала вокруг себя множество звуков.

– Аврора, – услышала она шёпот. – Это я, Нюсси. Я решила не прятаться, стало страшно. Я пойду домой купаться. Может, тебе разрешат поужинать у нас дома? Ты спроси!

– Хорошо, – ответила Аврора. Она так обрадовалась тому, что Нюсси решила не прятаться.

И они побежали к дому.

– Сначала беги домой, и я тоже побегу к себе, а потом позову тебя, если мне разрешат.

– Хорошо.

Когда Аврора вошла к себе, Сократ уже спал, папа сидел и читал, а мама перебирала бумаги. Дома было светло и уютно.

– Можно я поужинаю у Нюсси?

– М-да, – ответил папа. – Хорошо всё же, что ты пришла, я уже собирался идти за тобой.

Чуть позже в дверь позвонили, и появилась Нюсси.

– Тебе разрешили? – спросила она. – У нас на ужин какао. Можно Аврора придёт обратно сразу же после «Новостей».

– После новостей? – не понял папа. – А, ты говоришь о телевидении... А когда они начинают, не в восемь ли?

– Да, в восемь.

– Ну, один раз можно, – сказал папа, – но не каждый вечер.

– Нет, только на сегодня, – пообещала Нюсси.

Мама Нюсси накрыла большой стол в гостиной толстой скатертью, а маленький столик накрыла салфеткой, здесь они попьют какао и посмотрят «Новости».

– Жалко, что сегодня не передают детскую программу, – сказала мама Нюсси.

– А у Авроры дома вообще нет телевизора. И ей будет интересно посмотреть «Новости». Аврора, ты когда-нибудь их видела? – спросила Нюсси.

– Нет, – покачала головой Аврора. – Хотя я смотрела у тебя телевизор.

– Угощайтесь, – предложила мама Нюсси, – передача скоро начнётся.

Какао было очень вкусное, и Аврора радовалась, что оказалась тут, а не среди чёрных кустов и незнакомых звуков.



– Та-тата-та-та-таата! – пропела Нюсси.

Как раз эта мелодия донеслась из телевизора. Авроре понравилось, что Нюсси её помнила. Сначала на экране выступал человек, который говорил о печальном положении дел в мире. Точно так же говорили и по радио. Аврора часто слушала радио, когда его слушал папа. И, хотя она сидела и занималась чем-нибудь другим, она прислушивалась к тому, что передают, и часто просила папу объяснить ей то, чего она не понимала.

Человек на экране закончил свою речь, но вдруг снова заговорил и стал показывать съёмки из разных мест: где-то люди стреляли, а в других местах дрались друг с другом и падали на землю. Аврора забыла о еде, она только сидела и глядела на экран. Нюсси болтала, как обычно:

– Они ведут себя так каждый день, но только на экране, понимаешь? Возьми вот эту булочку с мёдом, она такая вкусная.

Но у Авроры уже пропал аппетит. Она заслонила глаза всеми десятью пальцами, но иногда подглядывала в щёлочку, что происходит, а потом снова пряталась за пальцы.

– Ну вот, больше ничего страшного не показывают, – сказала Нюссина мама. – Мы уже снова в Норвегии. Смотри, какое прекрасное здание больницы! Его только что построили. Ты больше ничего не хочешь, Аврора?

– Нет, спасибо.

– Я провожу тебя домой, – предложила Нюсси. – Ты не огорчайся. Это же телевизор.

Когда Аврора вернулась домой, она сказала:

– Я теперь сама себе не рада. Как хорошо было тем папиным древним грекам, которые жили тысячи лет назад. Тогда ничего подобного не происходило.

– Чего не происходило? – спросил папа, он не понял Аврору.

– Того, что происходит сейчас. Я смотрела по телевизору «Новости»: все на свете так озлоблены друг на друга, они дерутся и стреляют, дети голодают, а тут ещё происходит землетрясение.

– Что ж, видно, мне придётся отложить эту книгу. Давай с тобой серьёзно поговорим. Сейчас я возьму глобус, ты ложись в постель, а я постараюсь всё объяснить.

Сократ уже спал, а папа стал рассказывать. Уснув, Сократ просыпался редко.

– Вот, погляди на глобус, Аврора! Ты видишь эту маленькую страну, это – Норвегия.

– Здесь живут хорошие люди, – ответила Аврора, – и никто не воюет.

– Э, если бы ты видела её в давние времена. Тогда все здесь воевали друг против друга. Одного главного короля тогда не было, только мелкие корольки, и все они хотели стать главными. Они уезжали из дома, нападали на соседей и безжалостно их преследовали, ты уж мне поверь: они жгли дома соседей и убивали их жителей. В те времена малые дети лежали по вечерам и боялись, как бы ночью на их дома не напали. Представь себе, Аврора: мы, жители корпуса «Ц», лежим ночью в постели и дрожим от страха, как бы на нас не напали жители корпуса «Ч».

В древности люди ничего не знали о том, кто живёт на другой стороне земли, а сейчас мы изучили весь земной шар. Мы знаем, что многие живут плохо, голодают и не понимают, как нужно управлять своей страной. Немало и таких, кто беспокоится за свою страну и боится нападения других, более мощных стран. Ты знаешь, на что я надеюсь, Аврора? Что когда-нибудь объединится весь мир и все будут помогать всем. Те, у кого много еды, будут делиться ею с теми, у кого её мало. Если бы это произошло, войны исчезли бы, понимаешь, потому что все жили бы в одной большой стране.

– Если бы началась война, я бы спряталась за свой куст, – сказала Аврора, – или убежала бы в лесной домик к бабушке.

– Мы не должны терять надежды, Аврора. Когда ты станешь большая, ты тоже будешь стремиться к тому, чтобы все люди на свете стали друзьями.

– Хорошо, что у нас в Тирилтопене все происходит совсем не так, как в «Новостях», – сказала Аврора и заснула.

Тириллтопен и остальной мир

Рано утром на следующий день им позвонили в дверь. Пришёл Кнут, лицо у него было бледное.

– Идём! – пробормотал он. – Они испортили всё.

– Что случилось? – спросил папа.

Он, мама, Аврора и Сократ пошли за Кнутом. Когда они спустились и посмотрели на сад перед их корпусом, Аврора поняла, о чём говорил Кнут. Ягоды из сада пропали, две жёсткие зелёные сливы с дерева Кнута тоже исчезли, но это было не всё. Собиравшие урожай, видимо, торопились и, вместо того чтобы собирать ягоды, они отламывали от кустов целые ветки. Кругом стояли покалеченные кусты и деревья.

– Это те самые, из корпуса «Ч», – заговорил наконец Кнут. – Я мог бы догадаться, что они замышляют, но вчера вечером я должен был делать уроки и не подумал об этом. Правда, среди них было немало больших мальчишек, так что я всё равно не смог бы уберечь сад, даже если бы остался сторожить.

– Вот видишь, папа, – сказала Аврора, – мир из вчерашних «Новостей» сам пришёл к нам.

Ничего больше она не сказала. По папиному лицу она видела, что он расстроился ещё больше её, и ей оставалось только его утешать.

– Вот! Они пришли и напали на нас в нашем корпусе «Ц», – сказала она.

А папа ответил:

– Не понимаю. Они же видели, как мы работаем и ухаживаем за садом и как весь корпус «Ц» любит эти кусты и деревья.

Подошли ещё люди, и кто-то пробормотал:

– Я же говорил. Хулиганье пришло и всё испортило.

– Да, ты, пожалуй, был прав, – согласился другой.

Люди разошлись. Кто-то отправился на работу, а кто-то обратно в корпус, в саду остались только Аврора с Нюсси, Кнут и Сократ.

– Я должен бежать в школу, – сказал Кнут. – Ещё увидимся. Но я знаю, что делать.

– Ты что же, хочешь подраться с целым корпусом «Ч»? – встревожилась Нюсси.

– Нет, – покачал головой Кнут. – Я придумал другое.

– На моём кусте остались четыре ягодки, – заметила Аврора.

– Куст разломали, – сказал Сократ. – Бедный куст!

– Мне нужно ехать, Аврора! – проговорила мама. – Всё это ужасно печально, но мы что-нибудь придумаем. Я так разозлилась, что лучше мне сейчас же уехать в город.

«Интересно, что же задумал Кнут» – эта мысль целый день не выходила у Авроры из головы, и, когда он вернулся из школы, Аврора вопросительно на него взглянула. Кнут помотал головой и сказал:

– Мы соберёмся в игровой комнате в подвале. Приводи с собой остальных. Всех, кого увидишь.

Аврора и Нюсси отправились созывать детвору. Аврора привела Сократа и ещё троих малышей. У Нюсси вышло получше, с ней пришло много ребят.

Кнут спустился в подвал с угольными палочками для рисования и большими листами белой бумаги. Он тут же стал писать и громко зачитывать. Другие дети серьёзно кивали, и было видно, что они одобряли то, что он написал, и соглашались с Кнутом.

В этот день перед корпусом «Ц» останавливалось много людей. Раньше они останавливались, удивляясь тому, что здесь росло так много ягодных кустов и фруктовых деревьев. Теперь же они обнаруживали в саду множество белых плакатов с надписями. Конечно, они их читали: «Вот на этом кусте росло больше сотни ягодок красной смородины! Вчера вечером куст огра-

били». Или: «На этом сливовом деревце росли всего две сливы. Сливам не удалось созреть!» Перед каждым кустом и каждым деревцем стояло подобное объявление.



– Об ограблении узнает весь Тирилтопен, – говорил Кнут. – И никто теперь не сможет сказать, что он, мол, ничего об этом не знает.

И вправду, о грабеже узнал весь Тирилтопен, и весь Тирилтопен говорил о нём этим вечером. Подростки из корпуса «Ч» в этот день быстро проходили или проезжали на велосипедах мимо корпуса «Ц». Они не останавливались и не указывали пальцами на деревья и кусты. Но они перекликались между собой громче, чем обычно, так что и они тоже видели выставленные объявления и читали их.

На следующий день Аврора стояла перед своим корпусом вместе с Нюсси и ещё одной девочкой, которую звали Бритт-Карен. Бритт-Карен раньше тоже жила в корпусе «Ц», но потом переехала в корпус «Я». Случалось, она приходила поиграть к Нюсси. Вот и сейчас она заглянула в гости. Играть с Нюсси в такие дни было невозможно. Они с Бритт-Карен были очень верными подружками и на Аврору внимания обращали мало. Но в этот день им было о чём поговорить всем троим.

– Ну и что же нам делать? – спрашивала Бритт-Карен. – Пойдём играть к тебе, Нюсси, или зайдём за дом и посмотрим, как играют маленькие?

– Я знаю, что делать, – ответила Нюсси. – Мы возненавидим всех, кто живёт в корпусе «Ч».

– Конечно, ведь это они разломали куст Авроры, – согласилась Бритт-Карен.

– А каким образом мы будем их ненавидеть? – спросила Аврора.

– Мы будем смотреть на них исподлобья, – предложила Нюсси. – И ещё мы не будем разговаривать с ними, когда они попробуют заговорить с нами, и сделаем вид, будто мы их не слышим и не видим.

Отлично! И они втроём отправились к корпусу «Ч». Аврора попробовала посмотреть исподлобья, и ей казалось, что у неё это получается здорово, пока Бритт-Карен не спросила:

– Аврора, тебя что, укусил в нос комар?

Как досадно! Значит, вид у неё не такой уж сердитый и злой. К счастью, Нюсси тут же возразила:

– А я так не считаю. Я, как на Аврору взглянула, так сразу же ужаснулась.

Аврора успокоилась. Она шла и мрачно поглядывала на всех, кто шёл им навстречу от корпуса «Ч», хотя большинство прохожих шли мимо равнодушно, думая о чём-то своём, и не замечали их вовсе.

– Уже почти пришли, – сказала Нюсси. – Мы встанем у входа.

Но у двери в корпус «Ч» не было ни души. Как глупо! Правда, Нюсси тут же нашла выход.

– Мы будем смотреть исподлобья на само здание. Смотрите, какое оно мерзкое! Оно совсем не такое красивое, как наш корпус «Ц».

– Да и на мой корпус «Я» оно тоже не похоже, – заметила Бритт-Карен.

– Вон кто-то идёт! – сказала Аврора.

И в самом деле, из корпуса вышла пожилая женщина, и вся троица девочек посмотрела на неё исподлобья. Женщина кивнула им, улыбнулась и сказала:

– Какие вы все трое милые! Вы где живёте?

– Мы живём в корпусе «Ц», – сказала Аврора, и Нюсси толкнула её локтем в бок.

– Ну что ты, Аврора. Ты не должна была ей отвечать.

– Да, но эта пожилая женщина и думать не думала трогать наши кусты, – возразила Аврора.

– Мы должны ненавидеть весь корпус «Ч», и мы его ненавидим.

Они тут же увидели бегущего к зданию мальчика, и все трое нахмурили брови и приняли вызывающий вид.

– Как жаль, что он пробежал так быстро, – вздохнула Нюсси. – Будем надеяться, что он скоро выйдет.

И он вышел. Мальчик забыл дома учебник и теперь спешил в школу с книжкой под рукой.

Теперь он шёл медленнее, и Нюсси почти загородила ему путь и пристально на него взглянула.

– Осторожней, малышка! – сказал он. – Как бы я на тебя не налетел. Я спешу, понимаешь?

Нюсси ничего не ответила, только нахмурилась, мальчик удивился, обежал её и заторопился дальше в свою школу.

– Ну и что у нас получилось? – спросила Аврора.

- На этот раз ты вела себя лучше, – одобрила Нюсси, – а самой храброй была всё-таки я!
- Вот опять кто-то идёт, – сказала Бритт-Карен. – Собака, дама и девочка.

Аврора взглянула на вход и сразу же ужаснулась: из корпуса выходили Биттелиттен, её мама и Пуффи, и две первые сразу же, увидев Аврору, от радости просияли.

– Мы переехали сюда, – сказала Биттелиттен, – и теперь будем играть с тобой, мы ведь живём почти рядом.

Аврора открыла рот, хотела что-то сказать, закрыла рот, потом снова его открыла и ничего сказать не посмела.

– Мы уже живём здесь две недели, – сказала мама Биттелиттен. – Теперь у нас квартира побольше и поуютнее. Мы уже давно живём в Тирилтопене. Так что приходи к нам обязательно. Мы живём на пятом этаже в квартире номер 518.

Аврора опять ничего не ответила, но она постаралась, хотя бы незаметно, маме Биттелиттен кивнуть. Нюсси и Бритт-Карен стояли в это время к ней спиной и смотрели на небо.

Мама Биттелиттен не понимала, почему девочки ведут себя так загадочно, и вопросительно взглянула на Аврору. Биттелиттен спряталась за спиной у мамы и глядела на Аврору испуганными глазами, а вот Пуффи лишних вопросов не задавал, он подошёл к Авроре и лизнул её прямо в нос. Тут Аврора заулыбалась, и Биттелиттен больше не смотрела на неё так испуганно.

– Пойдём с нами в магазин? – предложила мама Биттелиттен. – Или мы ходим в него вместе с тобой, когда ты будешь одна?

Аврора ещё раз кивнула, а потом сказала:

– Мне пора домой, на полдник, – и убежала.

Хватит ей играть с Нюсси и Бритт-Карен. Оказавшись у своего корпуса «Ц», она поднялась на десятый этаж и столкнулась здесь с папой и Сократом, выходившими из квартиры.

– Привет, Авророчка, ты не хочешь погулять с нами?

– Нет. Я больше вообще никогда не буду гулять.

– Да что ты такое говоришь? – недоумевал папа.

– Я больше никогда не буду гулять, – повторила Аврора, – корпус «Ч» гораздо легче ненавидеть из дома.

– Может, объяснишь мне это подробнее?

– Мы договорились ненавидеть корпус «Ч» из-за нашего сада, – объяснила Аврора, – а тут, оказывается, в него переехала Биттелиттен, ну, та самая, которая с собакой, ты её знаешь, вот почему я не хочу больше гулять, мне трудно разговаривать с ней и с пожилой женщиной...

– Ты говоришь «ненавидеть». Ты знаешь, Аврора, так недалеко до войны. Сначала две стороны ненавидят друг друга, потом кто-то выступает за корпус «Ц», а кто-то – за корпус «Ч», и не успеешь оглянуться, как все жители Тирилтопена станут врагами.

– Да, но ведь это они начали.

– Я хочу поговорить со всеми, кто живёт здесь, – сказал папа. – И со взрослыми, и с детьми.

Правда, как папа сможет поговорить с ними со всеми, Аврора не поняла. Может, он думает, что все они станут подниматься к ним на десятый этаж и встанут в очередь от самого магазина до их квартиры в корпусе «Ц»? Да он же охрипнет, если поговорит с ними со всеми.

И в самом деле, вечером того же дня папа поговорил со всеми жильцами корпуса «Ц», и это далось ему нелегко. Он отсутствовал очень долго, ведь он к тому же успел сходить в лесной дом и поговорить с родителями восьмерых детей. «Нам поможет духовой оркестр водителей-дальнобойщиков, – говорил папа, – а ещё мама восьмерых детей сказала, что нам надо устроить аукцион по продаже тортов и таким образом собрать деньги. Её мама, мы называем её бабушкой, тоже сказала, что она охотно испечет для нас большой торт. Так что я тоже испеку торт завтра рано утром».

И правда, когда Аврора проснулась на следующий день, она узнала милый и знакомый запах, который шёл из кухни, и, когда она вошла туда, на столе уже стоял торт. Во всяком случае, он очень походил на торт, ведь, когда его готовили, он, наверное, очень спорил с самим собой, нужно ли ему было составлять одно-единое целое. Сверху он слишком запёкся, в середине немного провисал, а снизу отливал чем-то светлым, как бы напоминая, что когда-то он был всего только опарой.

«Зато, наверное, он очень вкусный?» – подумала Аврора.

– Я его разукрашу сегодня позже, ведь на завтра мы назначили самый главный для нашей лужайки день, – сказал папа.

– Я тоже пойду с тобой? – спросила Аврора. – Вместе с Сократиком?

– Конечно, пойдёшь. Ты ведь тоже живёшь в Тирилтопене.

– Да, во всяком случае, это будет не сегодня, – сказала мама. А папа с Авророй так внимательно в это время рассматривали торт, что не обратили на её слова никакого внимания.

День лужайки

Рано утром в дверь позвонили, и на пороге появился дядя Бранде.

– Ты очень вовремя, – сказал папа, хотя он ждал дядю Бранде. – Ты с Аннет?

– Она будет чуть позже. Перед тем как нам окончательно переехать в город, ей нужно ещё многое закупить.

– Хорошо. И вы пообедаете с нами, когда всё закончится.

– Я видел объявления. В программе музыка и аукцион, на котором будут продаваться торты. А кто будет держать речь?

– Папа, – ответила ему Аврора. – Он сидел за машинкой и сочинял её чуть не до утра.

– А тебе мы поручим продавать торты, – сказал папа.

– При одной мысли я уже нервничаю.

– Вы оба говорите прекрасно, – ободрила их мама. – Я приеду как можно раньше, чтобы вас послушать.

– Перед тем как ты уйдёшь, Мари, я хочу сказать тебе кое-что, – сказал дядя Бранде. – Видишь ли... ты в самом деле не догадываешься?

– О чём, интересно?

– Взгляни на меня и попробуй угадать!

– Ты, наверное, постриг бороду?

– Нет, не угадала.

– Говори сам, я должна ехать, а то опоздаю.

– Я стану... нет, лучше по-другому. Мы с Аннет станем... родителями!

– Ах, как замечательно! – воскликнула мама. – И когда, Бранде?

– К Рождеству. У вас ещё осталась книжка по уходу за новорождёнными?

– Вон она, на полке, – показал папа. – Но скажи, вам не будет холодно в летнем домике?

– Да, – с несчастным видом признался дядя Бранде. – Он не приспособлен к зиме, хотя мы его всячески утепляли. И та комната, которую я снимаю в городе, тоже не подходит. Хозяйка говорит, что не потерпит в квартире младенца.

– Ах, вот как, – папа был озадачен. – Мы ещё поговорим об этом вечером.

– Да, вечером, – подхватила мама. – Мне тоже есть что с вами обсудить.

И она тут же убежала, а что она собиралась с ними обсуждать, никто тогда толком не понял, да и времени у них не было: папа разучивал речь, Аврора играла с Сократом, а дядя Бранде морально готовился к тому, чтобы продавать торты.

Жители Тирилтопена привыкли время от времени слушать уличную музыку. В городке имелся свой собственный школьный оркестр, который иногда выступал на открытом воздухе. Но в этот день на улице играли сразу два оркестра. У одного на знамени красовался грузовик, и он играл так громко, что заглушал всё вокруг. Это был духовой оркестр водителей-дальнобойщиков, и в нём участвовал сам отец восьмерых детей, который играл на цугтробоне.

Словом, этот день ничуть не походил на обычный, но, когда на площадь Тирилтопена въехал грузовик духового оркестра, люди и вовсе оторопели и смотрели во все глаза. В кузове стояла самая настоящая пирамида, на каждой ступеньке которой лежало по тарту, а рядом с пирамидой стоял бородатый здоровяк в широком белом переднике. Он размахивал молотком и громко кричал:

– Всем, всем жителям города! Добро пожаловать на площадь! Всем мужчинам, женщинам и детям! Здесь состоится серьёзнейшее и самое сладкое из собраний! Берите с собой деньги! Ведь здесь и сейчас состоится аукцион! И вы сможете приобрести отличные торты!



Дядя Бранде умолк, и тут же грянула музыка обоих оркестров, вступивших на площадь. Музыка созывала народ. И народ собрался. Звуки отражались от стен зданий, смешивались и улетали прочь.

– Займись Сократиком, когда я взойду на трибуну, Аврора, – сказал папа.

– Хорошо. Ой, сюда пришла Биттелиттен со своей мамой и Пуффи! Папа, что же мне делать?

– Стой спокойно и будь умницей! – посоветовал он. – Мы пришли сюда не ссориться, а для другого! Для того, ради чего придумали этот праздник.

Аврора серьёзно кивнула Биттелиттен, а Пуффи подошёл к ней и подал лапу.

– Пуффи боится музыки, – сказала мама Биттелиттен, – но хочет быть с нами. Он считает, что нам без него не обойтись. Вы подумайте, какие здесь торты!

– Это мы испекли их, – сказала Аврора. – Ну не все, а только один, да и он, кажется, не самый лучший.

Тут же к толпе подошли Нюсси с Бритт-Карен, и Аврора подумала: «Ну вот, сейчас они всё испортят».

Но папа, по-видимому, уже поговорил с Нюсси, потому что она сказала:

– Мы больше ненавидеть не будем. Твой папа сказал, что мы можем спокойно стоять и радоваться. Ты видела торт, который испекла мама? Он самый лучший из всех. Это – крендель-торт!

– Конечно. – В эту минуту Аврора соглашалась со всем, что ей говорили, так она обрадовалась.

Тут же появилась и мама. Но кого она привела с собой? Папину маму и ту женщину, которая жила в её доме. Как же её звали? Лужица!

– Я решила пригласить их, – сказала мама. – Маме Эдварда наверняка захочется послушать, как выступает её мальчик.

А её мальчик уже взобрался на трибуну. Он был бледен, но выглядел очень решительно.

– Это мой папа, – сказал Сократ. – Папа мой.

– Ага, – согласилась Аврора. – И сейчас мы послушаем, что он скажет.

Сократ очень удивился тому, что папин голос заговорил так громко. Он словно зазвучал во всех местах на площади сразу.

– Дорогие жители Тириллтопена, – обратился папа к толпе в микрофон. – Я сейчас задам вам один вопрос, а вы попробуйте ответить! Сколько, по-вашему, стоит куст красной смородины?

– Сто крон, – сказал один маленький мальчик.

– Нет, не так много, – сказал папа, – гадайте дальше!

– Пятьдесят, – раздался другой голос.

– Это слишком дорого. Назовите цифру поменьше!

– Пятнадцать крон, – сказала маленькая девочка, которая стояла прямо под трибуной.

– Это ближе к истине, но всё-таки слишком дорого.

– Восемь крон, – сказал мальчик.

– На одну крону меньше, и цена будет правильная. Маленький кустик чёрной смородины стоит столько же. А сейчас прикинем, сколько вам, дети, дают на карманные расходы в неделю?

– Две кроны!

– Пять крон!

– Три с половиной кроны!

– Хорошо, – сказал папа. – Если вы будете откладывать из карманных денег совсем немного, то не успеете оглянуться, как сможете купить себе маленький куст красной или чёрной смородины. И он будет принадлежать только вам. А если вы захотите посадить яблоню, сливу или грушу, то вам придётся покупать их за 22 кроны или чуть больше. Кто-нибудь из вас видел сад у корпуса «Ц»?

Некоторые дети прокричали «да», а взрослые закивали головами.

– На лужайке перед корпусом было очень красиво, – продолжил папа. – Но подумайте вот о чём! Представьте себе таким весь Тириллтопен – с фруктовыми деревьями и ягодными кустами перед каждым корпусом. Сейчас осень, но представьте себе весну, когда зацветут кусты и деревья. Вот тогда люди из других районов большого города скажут: «Поедем в Тириллтопен поглядеть, как цветут деревья». Или за тем же самым им придётся съездить в Хардангер. А если у вас, у детей, у каждого будет свой куст или своё фруктовое деревце, вы все будете за ними ухаживать и не будете ничего друг у друга отнимать. Вы, наверное, знаете, что кто-то залез в наш сад на лужайке у корпуса «Ц». Но сегодня мы об этом говорить не будем. С этим покончено, мы это зачеркнём. Вот так!

Папа поднял вверх небольшую чёрную доску и крест-накрест перечеркнул её мелом.

– Я ведь о чём говорю. Я говорю о детях, которые здесь живут. Мы привыкли покупать ягоды в магазинах или на рынке, и многие представить себе не могут, как кусты и деревья тянутся вверх, подрастая, чтобы потом дать нам ягоды или фрукты. Бывает, что тот или иной куст боится засохнуть или того, что его поломают, но, как правило, всё обходится хорошо, и он стоит всё лето, впитывая в себя дождь и солнце, а потом рождает вкуснейшие ягоды.

Деревья и цветы, они ведь знают вас. И на них так приятно глядеть. Как завязываются на их ветвях плоды и ягоды и как они становятся всё больше и больше. Вы часто будете подходить к ним, и наступит день, когда при их виде у вас в уголках рта защиплет. А потом однажды вы решите сорвать ягодку или плод. Ведь они целиком и полностью ваши. Я уж не говорю о том, какие они все вкусные. Ничего подобного вы в магазине не купите. Представьте себе только, что весь Тириллтопен уже превратился в один большой сад, и вы не задумываясь начнёте откладывать мелочь на куст или деревце.

И вот, чтобы сразу приступить к делу, не откладывая его в долгий ящик, мы, жильцы корпуса «Ц» и усадьбы в лесу, испекли торты и сейчас будем продавать их на аукционе, а на вырученные деньги купим кусты и деревца, чтобы каждый корпус в Тириллтопене получил свою долю. И ещё я предлагаю раздать кусты и деревья детям из всех корпусов, чтобы все-все дети, даже самые маленькие, у которых ещё не водятся карманные деньги, могли бы их посадить. Водители больших грузовиков, которые так прекрасно играли для нас сейчас, обещали

доставить рассаду из питомника к каждому из корпусов Тириллтопена. А теперь мне остаётся поблагодарить вас за внимание, с которым вы меня выслушали, и перейдём немедленно... к аукциону!

Дядя Бранде стоял в кузове рядом с горой тортов. В одной руке он держал микрофон с длинным шнуром, чтобы он мог свободно перемещаться по грузовику, а в другой он держал первый торт. Под мышкой был зажат молоток, а впереди стояла высокая табуретка. Всё это выглядело несуразно, потому что, как он мог бить молотком о табуретку и держать в это время торт и микрофон?

– Я помогу тебе, – крикнул папа. – Подожди немного!

Он забрался в кузов и стал держать торт для дяди Бранде, и все увидели, что Бранде стал вести себя увереннее: он как будто сложил с себя тяжкий груз, который с большим усилием долго держал.

– Ну что ж, начнём! – сказал он. – Дорогие жители Тириллтопена! Я, конечно, не тириллтопинец, но в этом городе живут мои друзья, и один раз – это было в прошлом году – я прожил здесь целых три месяца, так что я не преувеличиваю, когда говорю, что я этому городу не чужой. Но сейчас речь пойдёт не обо мне, а о тортах. Вы видели что-нибудь прелестнее, чем они? Вот, например, первый из них – если не самый большой. У него уже есть имя – торт «Падишах», а испекла его мама маленького Уле, который живёт на пятом этаже. Сколько вы за него дадите? Две кроны? Разумная цена, в торте много вкусного и полезного, яйца, шоколад и всё прочее. Ага! Вы даёте за него три кроны? Пять крон? Подумайте! А теперь поговорим о других тортах. Нас здесь ждут неожиданности. Вот торт по имени «Отелло», вот «Большой рулет», вот шоколадный торт, вот ореховый, вот «Княжеский», вот торт «Люкс», яблочные торты номер 1, номер 2 и номер 3. Вот «Телефонный» торт, вот медовый и «Бабушкин», а вот «Крендель-торт» и торт Эдварда и ещё один, который носит имя «Амврозия». Какое чудесное имя! Этот торт испекли Кнут с мамой, а ты, Эдвард, знаешь, что означает его название?

– Оно означало в Древней Элладе «бессмертный», – объяснил папа, – но также «пища богов».

– Ну что ж, тогда оно подходит и нам, – сказал дядя Бранде. – Но вернёмся к торту «Падишах». Предложено шесть крон. Кто больше? Шесть крон в третий, и последний, раз, торт – ваш! Денежки будем класть в эту коробку из-под торта. Ну вот, мы уже почти накопили на куст красной смородины. А вот перед вами ореховый торт, торт с грецкими орехами. Он напоминает мне, что я ещё не обедал сегодня, как, может быть, и многие из вас. Представьте тогда, как вам повезло! Только назначьте подходящую цену, и вы унесёте его с собой и, может быть, по дороге съедите! Восемь крон, девять, пятнадцать крон! До чего же вы все расторопные! Шестнадцать крон? Торт ваш, пожалуйста!

Мы накопили уже на три куста красной смородины, и скоро нам хватит на четвёртый. Вот ещё один замечательный торт. Его имя – «Эдвард». Да, а что здесь написано? Это надо же, на торте так много крема, а на самом верху – три красные смородинки. Сейчас я прочитаю, что написано на бумажке. Это памятный и печальный торт. Но крем на нём, во всяком случае, очень вкусный, такой, какой и полагается торту. Его приготовил выступавший передо мной оратор. Я считаю, что мы должны вдохновить его, придать ему уверенности. Я лично предлагаю дать за этот торт две кроны. Кто больше? Восемнадцать? Кто-то даёт за него восемнадцать крон! Наверное, за произнесённую блестящую речь?

– Двадцать пять крон!

Папа едва не упал от неожиданности.

– Скинем пять крон, – сказал он. – Мы не можем брать за него так дорого.

– Ты отличный оратор и хороший отец, – сказал дядя Бранде, – но в деньгах ты не разбираешься.

– Двадцать пять крон. Кто больше? Всё, торт продан! – сказал Бранде и ударил по табуретке так сильно, что звук долетел до самого дальнего угла площади.

Аврора стояла и смотрела на эту сцену. Она тоже ещё не обедала, а торты выглядели такими аппетитными. Самым лучшим из них был «Крендель-торт», который испекла мама Нюсси. Торты раскупали один за другим, некоторые подешевели до пяти крон, другие подорожали до девятнадцати, а на самой верхней ступеньке пирамиды сидел «Крендель-торт» и как бы командовал всеми другими. Дядя Бранде снял его и передал папе.

– Вы видели когда-нибудь подобную красоту? – провозгласил он. – Вы, верно, считаете, что крендель – это всего лишь крендель, но между ними может быть огромная разница. Точно так же, как между людьми. Среди нас очень мало людей ослепительной красоты, мне, например, досталась только борода. – И дядя Бранде довольно потёр пальцами скулы. – Этот крендель-леденец – что-то особенное, у него, конечно, нет бороды, но при помощи флажка, леденцов и ягодок маме Нюсси удалось испечь красивейший куст красного марципана. На нём тоже есть ягодки. Это, пожалуй, даже не торт, а настоящее произведение искусства.



– Тридцать крон! – заявила одна дама.

– Сорок, – сказала другая, потому что многим захотелось его приобрести.

– Пятьдесят! – раздался третий голос.

– Это хорошая круглая цифра, – сказал дядя Бранде. – Кто больше? Крендель-торт продан! Кое-кто занялся подсчётом вырученных денег, и я могу сказать, что всего мы выручили за торты 840 крон. Не так плохо. Посмотрим, станет ли Тириллопен таким красивым, каким расписал его папа Авроры. Большое всем собравшимся спасибо! Перейдём теперь к музыке!

Оркестр дальнотопщиков заиграл марши, и люди стали расходиться по домам.

– Мы сейчас же пойдём домой и как следует пообедаем, – сказала мама. – Ты пойдёшь с нами, Аврора, или будешь ждать папу?

– Я буду ждать папу, а Сократика забирайте с собой.

Дядя Бранде и папа прибрались немного на площади и поговорили с водителями грузовиков.

Когда наконец все собрались дома, к ним присоединилась и жена дяди Бранде Аннет, так что на обед в квартиру семьи Теге пришло очень много народу. Но, когда из кухни в гостиную внесли стол, места за столами хватило всем.

– Вот никогда не думала, – сказала папина мама, – что ты станешь у нас народным трибуном. Ты был таким застенчивым мальчиком, и я не помню, чтобы ты так любил ухаживать за растениями, когда был маленьким.

– А вот теперь полюбил. Учиться никогда не поздно.

– А я-то думала, что ты только любишь сидеть, уткнувшись носом в книги о древних греках, – довольно заметила папина мама.

И тут позвонили в дверь. На пороге стояла Нюсси. И что, вы думаете, она держала в руках? Крендель-торт! Точно такой же, какой продали в этот день. Или это был тот же самый?

– Но ведь его же купила дама, – удивилась Аврора. – Я сама это видела...

– Моя мама испекла два торта, – объяснила Нюсси, – потому что один из них решила подарить своему отцу.

– Ах, вот как! Папа, выйди к нам!

Когда отец Авроры увидел крендель-торт, глаза у него от удивления стали круглыми.

И теперь Аврора увидела, что этот торт всё-таки отличался от того, что продали. У него на верхушке росло маленькое деревце, а по бокам свисали самые настоящие яблочки.

– Ты, Нюсси, должна сказать дома, что мы приглашаем всех ваших сойти вниз и попить у нас кофе, – сказал папа.

– Спасибо большое. Я принесу с собой бутылочку лимонада, который мы держим в холодильнике.

Так что в этот день в квартире у семьи Теге собралось много гостей, и весь следующий день тоже выдался необычным. Мама оставила машину у дома, чтобы папа мог ею воспользоваться, и Аврора с Сократом побывали в питомнике, где выбрали множество кустов и деревьев, а во второй половине дня они сопровождали вереницу грузовиков, развозивших рассаду по корпусам.

Они раздавали деревца и кусты даже самым маленьким. У некоторых младенцев даже ещё не было имени, его только подбирали. Им папа писал на дощечках при кустах и деревьях «Новорождённый Ларсен» или «Новорождённый Андерсен». К концу дня все очень устали, но дело-то было сделано, и папа сказал:

– Ну вот, наступила пора подумать о наших собственных деревцах и кустах.

Он сходил в подвал и принёс оттуда ящик с краской, топорик и пилу. Аврора не сразу поняла, для чего это всё нужно.

Когда она подошла к своему кусту красной смородины и ко всем другим, оборванным и растерзанным, у неё опять испортилось настроение. Она взглянула на корпус «Ч» и чуть было снова его не возненавидела, но тут же заметила, что и возле этого корпуса сустились люди. Их было перед корпусом много, и некоторые держали в руках кусты. Наверное, люди купили их сами, и ещё Авроре показалось, что она заметила среди собравшихся чёрного пуделя, крупнее, чем все другие пудели. Пуффи был таким большим и кудрявым, что рассмотреть точно, с какой стороны у него хвост и с какой стороны голова, издали было бы трудно.

– Сейчас посмотрим, – сказал папа и занялся чем-то странным. Он отпиливал почти поломанные ветви и разлохмаченные сучки.

– Что ты делаешь? – в ужасе спросила Аврора.

– Я отпиливаю ветки осторожно и аккуратно, – объяснил папа, – а все раны на кустах и деревьях замазываю краской, чтобы через них не вытекал наружу их сок. И ты увидишь, Аврора, что, сколько бы ни вредили кустам и деревьям люди, в них сохраняется одно желание – жить. И они сохраняют внутри себя все плоды и ягоды не только следующего года, но и всех долгих лет в будущем. А теперь им пора спать! Зимой они будут стоять здесь и радовать нас

своей красотой – ты ведь знаешь, как красив иней на ветках, – и весной ты увидишь, что они плакать не будут и забудут обо всём плохом, что с ними случилось осенью. Вон идёт Кнут. Ты сочинил хорошие объявления, Кнут! Вот, возьми кисточку и покрась ею свою сливу. В тех местах, где я отпилил ветки.

– Ты думаешь, она выздоровеет? – спросил Кнут.

– Да, я верю в это.

Кнут обрадовался:

– Это хорошо.

Перемены

После того как кусты и деревца перед корпусом привели в надлежащий вид, Аврора снова поднялась на десятый этаж, посидела немного, взглянула на маму и сказала:

– Ты хотела что-то обсудить с нами, но всё молчишь.

– У нас было много гостей, а я хотела обсудить с вами то, что касается только нас четверых. Поэтому я подождала, пока мы останемся одни.

– Мы снова поедem в Голландию?

– Нет, туда мы не поедem, но, если захотим, поедem далеко-далеко на север нашей собственной страны. Мне предложили там должность, которая называется «помощник районного судьи», но сначала я должна знать, что на этот счёт скажет папа, ты и Сократик. Ты поедешь в Нурланн на два года, Эдвард?

– В Нурланн? – переспросил папа. – Я могу взять с собой работу, так что не вижу в этом ничего невозможного. А куда в самом Нурланне?

– Там есть местечко по названию Фабельвик, – сказала мама. – Мы получим там дом, а самое приятное, что здесь у нас дома будут жить дядя Бранде, Аннет и их младенец. Мы только попросим их оставить нам детскую комнату – на всякий случай, если придётся ещё пожить дома после того, как они к нам переедут, или на время отпуска.

– Все четверо в одной комнате? – засомневалась Аврора. – Это, конечно, здорово, но как-то грустно, что мы не останемся здесь теперь, когда Биттелиттен переехала в корпус «Ч». И ещё – здесь же остаются Нюсси и мой куст!

– Мы попросим дядю Бранде за ним ухаживать, – успокоил её папа.

– И мы не уедem отсюда до Рождества, – сказала мама, – хотя я вообще-то подумала вот о чём: мы теперь хорошо знаем Тирилтопен и немного Голландию, но мы совсем не знаем нашу собственную страну, и сейчас у нас появилась возможность лучше познакомиться с ней.

– Абсолютно согласен, – поддержал её папа. – Сейчас я достану карту, и мы посмотрим, где это. Ага, вот фюльке Нурланн. Фабельвик находится здесь, он почти на границе с фюльке Тромс.

– Мы можем перелететь туда за пару часов. Не прямо туда, но неподалеку.

– Нет, нет, – воспротивился папа, – если мы уж туда поедem, то надо сделать это пообстоятельнее. Мы поедem туда на рейсовом теплоходе, вот как! Иначе наши дети даже не почувствуют, насколько далеко мы заехали.

– Что ж, раз вы так решили... – сказала Аврора. – К счастью, мы поедem туда ещё не так скоро.

Но, когда события сменяют друг друга одно за другим, время летит быстро. Сначала сильно похолодало, и все кустики и деревца, в точности как говорил папа, покрылись инеем, потом сразу же наступила настоящая зима и Аврора встала на лыжи, потом мама с папой поссорились из-за пианино: папа хотел забрать его с собой в Нурланн, а мама настаивала, чтобы оно оставалось в Тирилтопене и ждало, когда они вернутся обратно. В этом споре победил папа. Он сказал, что пианино всегда, с самого его раннего детства, было его добрым другом и уже успело подружиться с Авророй и даже с Сократом, который привык бить по его басовым клавишам. В результате пианино вместе с папиной и маминой кроватями, садовой скамейкой, столом и стульями поехало в Нурланн, Аврора с папой и Сократом провожали мебель на пристань и видели, как большой кран поднимал её вверх и укладывал в грузовой трюм. Гостиная после этого стала такой пустой и вроде бы незнакомой. Аврора с Сократом ходили по ней и кричали, звуки так непривычно раздавались в комнате, когда из неё убрали все вещи, но потом со своей поклажей и Аннет в неё въехал дядя Бранде. Их поклажа оказалась чуточку странной: вся мебель дяди Бранде состояла из одного стула; его он привёз для того, чтобы Аннет было на

чём сидеть, ведь у неё скоро должен был родиться ребёнок, и дядя Бранде всё время ухаживал за ней как только мог. Остальные вещи молодой пары состояли из старинной колыбели и целой горы досок, потому что дядя Бранде собрался мастерить свою мебель сам.

Хорошо, что Аннет переехала к ним из своего летнего домика, ведь всего через несколько дней её отвезли в больницу. Вскоре дядя Бранде появился у них ранним утром и всех разбудил.

– В чём дело? – проворчал папа. – Аннет уже родила?

– Ну конечно! – воскликнул дядя Бранде.

– Мальчика или девочку? – спросила мама.

– Обоих. Представь себе, Аврора! У нас близнецы. И мы стали большой семьей. А одёжка-то только на одного, – озабоченно добавил дядя Бранде.

Впрочем, особых забот это не доставило. Чуть ли не все жильцы корпуса «Ц» порылись в своих комодах и принесли дяде Бранде одёжек не на одного, а на трёх младенцев!

Чуть позже в тот же день дядя Бранде сказал:

– Пойду-ка я и куплю к Рождеству ёлку.

– Новорождённые уже водят хоровод? – удивилась Аврора.

– Нет, конечно, – сказал дядя Бранде. – Но пусть лежат и поглядывают на неё, зелёную. Мне очень хочется, чтобы они полюбили лес. Вы только представьте себе, как мы, когда они вырастут, пойдём вчетвером в горы.

– А когда они к нам переедут? – спросила Аврора.

– Через шесть дней.

– Подумай, Сократик, – сказала Аврора, – здесь появятся сразу два младенца.

– Сократ будет катать младенцев.

– Нет, нет, – сказала Аврора, – они будут лежать в колыбельке, они ведь такие маленькие, и мы будем их пеленать и купать.

Шесть дней пролетели быстро, и теперь, когда заботы с переездом стали занимать папу меньше, он стал задумываться о Рождестве. Он, Аврора, Сократ и мама стали решать, что они подарят своим знакомым.

– У нас отложено на подарки сто крон, – сказал папа, – и, если раздавать подарки всем, кого мы знаем, ничего дорогого мы купить им не сможем.

– Мы подарим подарки бабушке и её восьмерым внукам, – сказала Аврора, – и ещё Биттелиттен. Её мама говорит, что Малышка боится отходить от своего корпуса, хотя скоро с новым местом освоится, но тогда я уже отсюда уеду.

– А когда ты вернёшься сюда из Нурланна, Биттелиттен уже пойдёт в школу, и, может быть, вы будете ходить в неё вместе, – сказал папа.

– Ага, и ещё Нюсси. Что мы подарим Нюсси, папа?

– Нашу фотографию.

– И напишем на ней: «На память об Авроре», – предположила она.

– Это звучало бы чересчур печально, – улыбнулся папа. – Лучше напишем: «Дорогой Нюсси, чтобы она нас не забывала. Привет от Авроры и всей семьи».

– Звучит хорошо, – одобрила Аврора.

В день выписки Аннет из больницы они все потрудились на славу. Они всё мыли, убирали и украшали. В ванной установили столик для пеленаний. На нём пеленали Сократа, когда он был маленький. А теперь Сократ стоял вместе с Авророй и на него глядел.

– Ты здесь лежал, когда был младенцем, – сказала Аврора. – Но теперь ты уже большой.

– Ты тоже лежала на нём, Аврора, – заметил папа. – Надо же, как быстро летит время! Я уже почти не помню, какими маленькими бывают новорождённые.

Долго ему гадать не пришлось, через час они уже прибыли. Дядя Бранде одолжил у семьи Теге их синюю машину, и он вместе с Аннет и двумя младенцами занял в ней все места.

Наконец они поднялись наверх. Аннет несла одного младенца, а дядя Бранде – второго, и пока они шли по коридору, в нём открывались многие двери и жильцы их приветствовали. Скоро оба младенца уже лежали в колыбели: один – головой в одну сторону, другая – в другую, а дядя Бранде покачивал их обоих сразу, чем был ужасно доволен.



Сократ пристально посмотрел на новорождённых, потом засмеялся и снова на них посмотрел, он ещё никогда не видел таких маленьких людей, а тут увидел их сразу двоих.

Позже в тот же день, когда их пеленали, ему и Авроре позволили на этот процесс взглянуть. Сократ не проронил ни единого слова, он только стоял и смотрел, а Аврора давала всем советы, она ещё хорошо помнила, как пеленали Сократа.

Когда Аннет покормила новорождённых, а дядя Бранде прибрался в ванной, он так устал, что пошёл и ненадолго прилёг в спальне, и Аннет поступила так же.

– Младенцы лежат сейчас в колыбели в гостиной, – сказал папа, – а мы теперь будем жить в детской комнате, чтобы никому не мешать.

Так детская комната стала их домом. Туда снесли всю одежду. Ещё они позаимствовали у мамы Нюсси две раскладушки, которые днём собирали, а на двух выдвижных кроватях укладывались Аврора с Сократом. Так они отдыхали все четверо.

– И нам несколько не тесно, – говорил папа. – Многие так живут постоянно, да ещё в неотапливаемых комнатах, и дома не обедают. Так что мы какое-то время проживём без особых трудностей.

– Да, какое-то время мы обойдёмся малым, – сказала мама и чуть зевнула.

Папа читал, Аврора раскрашивала рождественскую открытку, а Сократ сидел и о чём-то размышлял. Через некоторое время он вышел из комнаты, и все подумали, что он удалился по малой надобности, но он всё не возвращался, и папа сказал:

– А куда делся Сократик? Не потревожил ли он наших друзей?

Аврора с папой потихоньку вышли из детской. Они не нашли Сократа ни на кухне, ни в ванной. Аврора приоткрыла дверь в гостиную и чуть было не вскрикнула. Хорошо, что папа чуть придержал её за локоть.

– Не напугай его! Иначе он их уронит.

По гостиной, нарезая круги, ходил Сократ. В каждой руке он держал по младенцу.

– Тсссссссс! Тсссссссс! – прищёпывал Сократ. Аврора как-то сказала ему: что таким образом папа успокаивал его самого, когда он был маленький.

– Ты такой большой и сильный, – сказал ему папа. – Надо же, ты носишь их обоих сразу, но сейчас их следует уложить в колыбельку. Новорождённые должны только лежать и спать. Вот так давай уложим его, и вот так – её!

– А мы их не искупаем?

– Не сейчас. Это решают их родители, понимаешь? Давай, Сократик, пойдём!

Аннет и дядя Бранде очень удивились, когда проснулись и обнаружили, что младенцы спят голова к голове.

– Как они сумели перевернуться? – удивился дядя Бранде. – Они уже сейчас могут переворачиваться?

– Я думаю, им немного помог Сократик, – признался папа. – Но я обещаю вам, что это не повторится.

В тот же день папа сходил в магазин и купил двух пластмассовых младенцев, хотя денег у него на них не было. Но они с мамой решили, что это необходимо. Аврора и Сократ получили по одному, хотя Аврора понимала, что, если Сократу вздумается искупать их обоих, ей придётся отдать ему своего, иначе Сократ попробует искупать настоящего.

До Рождества оставались считанные дни, и папа с мамой вздохнули наконец с облегчением. Скоро-скоро они снова сядут в свою маленькую синюю машину и отправятся к папиной маме и Лужице, хотя до этого им ещё предстояло попрощаться со своими знакомыми в Тирилтопене и с обитателями дома в лесу. В Нурланн они отправятся, как только отпразднуют Рождество. Папа решил, что было бы печально прощаться с друзьями ещё один раз, так что лучше было сразу после Рождества поехать из Бесбю на железнодорожную станцию в городе, а оттуда уже прямо, не заезжая в Тирилтопен, отправиться в Нурланн. Так, во всяком случае, считала Аврора.

К счастью, в доме у папиной мамы и Лужицы младенцев, которых мог бы купать Сократ, не было. Но пластмассовых близнецов они с собой взяли, и Сократ купал их по несколько раз в день, чтобы Рождество они в любом случае встретили чистыми. И в сочельник пластмассовые близнецы вместе со всеми водили хоровод вокруг рождественской ёлочки в Бесбю, что, конечно, не шло ни в какое сравнение с тем, что творилось в доме Теге в Тирилтопене: там близняшки водили хоровод с их папой и мамой вокруг ёлочки перед каждым пеленанием, ведь дядя Бранде обещал приучить новорождённых любить всё зелёное.

Только Нильс путешествует в одиночку

Аврора стояла в поезде, поезд стоял на станции, а на перроне стояли папина мама, Лужица и дядя Бранде. Больше никого из знакомых там не было, ведь никто из них не знал, что именно в этот день Аврора с родителями и Сократом уезжали в Нурланн.

Папина мама плакала, хотя и делала вид, будто ничего особенного не происходило.

– Я, наверное, простыла, – говорила она, утирая нос. – Всё-таки это чересчур далеко. Всё равно что переезжать в Америку.

– На самолете мы бы перелетели в Нурланн за пару часов, – сказала папа.

– Тогда зачем вам понадобилось выбирать самый дальний путь? – не понимала папина мама. – Сначала на поезде через половину страны, а потом на теплоходе вдоль всего длинного-длинного северного побережья, да ещё зимой, когда море штормит.

– Послушай меня, мама. Мы ведь в первый раз едем на север и, если бы туда полетели, оказались бы на месте в мгновение ока и совсем не почувствовали бы, как далеко уехали.

– Да, но вы бы почувствовали это даже сильнее, если бы отправились туда на машине, – осторожно заметила Лужица. – Я просто не могу отвязаться от мысли об огромных и тёмных волнах на море ночью.

– Нет, а я только рада, что они на машине не едут, – возразила папина мама. – Ведь дороги такие скользкие. Им вообще не стоило ехать на север. Как бы мы радовались, если бы Мари устроилась помощником судьи в Бесбю!

– Ну да, – сказала мама, – это было бы очень удобно, но понимаете, мы сами решили ехать на север. Жить в Норвегии и знать только нижнюю, южную, её окончечность – это же вздор!

– Вот именно, – подтвердил папа. – А вот на тележке едут наши чемоданы. Все десять штук.

– У вас будет замечательное путешествие! – сказал дядя Бранде.

Аврора стояла и смотрела на уезжавшие в багажный вагон чемоданы. Потом послышался свисток, и папина мама сказала:

– Поезд отправляется. Напишите, если вам что-нибудь понадобится.

– Спасибо, – поблагодарил папа. – Приезжайте к нам летом!

– Об этом и речи идти не может, – отрезала папина мама. – Меня туда силком не затащишь.

– Поезд тронулся, – сказала Аврора.

Поезд всё дальше увозил их от папиной мамы, Лужицы и дяди Бранде, и теперь слёзы из глаз папиной мамы полились водопадом, дядя Бранде приобнял её, а другой рукой замахал им вслед, а Лужица, отдавая свой носовой платок бабушке, чтобы она им махала, сорвала со своей головы шляпку.

– Ну вот мы и уехали, – торжественно провозгласил папа, – и нас ждёт увлекательное путешествие.

– Мы впервые едем не на нашей синей машине, – сказала Аврора.

И это была правда. Как раз в это время за её рулём сидел дядя Бранде, а на задних сиденьях – папина мама и Лужица. Дядя Бранде отвозил их в Бесбю, а потом отправлялся домой в Тириллтопен, чтобы потом летом, когда дороги будут безопаснее, усадив в машину Аннет с близнецами, съездить в гости в Нурланн, оставить там машину и оттуда рейсовым теплоходом вернуться домой. Если маленькая синяя машина и удивилась подобным замыслам, своего удивления она не выказала. Дядя Бранде вёл её очень умело, а Тириллтопен она уже очень хорошо знала. Машина привыкла стоять у корпуса «Ц» вместе со всеми другими. И никакой грусти она не испытывала, своих пассажиров она всегда ждала спокойно, даже когда ждать приходилось по несколько месяцев.

Итак, семья Теге уже ехала в поезде, и Авроре с Сократом разрешили сесть у окошек. В первые минуты они с интересом следили за движением вагона, и даже Сократ вёл себя очень тихо и с замиранием сердца смотрел в окошко. Сначала весь вид из него заполняли провода, кабели и рельсы, бегущие совсем рядом. Чуть дальше от них проплывали дома – совсем обычные домики со шторами и цветами в окнах. Интересно, как в них люди живут? Аврора решила, что, если бы она жила в одном из них, она бы всё время сидела у окна и смотрела на поезда, со свистом пролетающие мимо. Она махала бы рукой тем, кто сидел в вагонах, ведь, наверное, некоторые из них ехали в одиночестве и им было бы приятно знать, что кто-то машет им вслед. Аврора огляделась. Кое-кто ехал в одиночестве в их вагоне тоже. Вон неподалеку сидит мужчина, и рядом с ним лежит папка, а вон там чуть подальше сидит ещё один – тоже с папкой, а вот напротив него стоит мужчина с чемоданом и папкой, сейчас он укладывает свой чемодан на полку.

– Я не хочу больше сидеть, – пожаловался Сократ.

– Вот как, – вздохнул папа. Он, наверное, подумал: сейчас только утро, а им ехать на поезде ещё целый день. После отъезда прошло всего пять минут, а у Сократа уже кончилось терпение.

– Ну хорошо, походи немного! – сказала мама. – А ты, Аврора, за ним присматривай!

Аврора тоже поднялась с места: интересно проверить, каково это – стоять, когда поезд идёт. Вагон немного покачивался, и, когда она стояла обеими ногами на полу, ничто не мешало ей, нужно было только двигаться в такт поезду, и это немножечко завораживало: казалось, что поезд движется быстрее, когда она стоит, а не сидит. Время от времени она выглядывала в окошко; они ещё не выехали из большого города, хотя теперь дома стояли от железной дороги намного дальше.

– Аврора, – позвал папа. – Взгляни вон туда!

Аврора посмотрела туда, куда указывал папа, – и тут она увидела на взгорке высокие корпуса Тирилтопена, тянувшиеся до самого леса.

– Ах, вот как! Это же... это же...

– Да, это наши дома. Вот ты и попрощалась с Тирилтопеном.

Поезд шёл дальше, а вместе с ним и Аврора и все остальные. А Сократу это, по-видимому, уже надоело, и он сидел прямо на полу.

– Давай вставай! – позвала его Аврора. – Держись крепче за кресло, тогда ты сможешь встать.

И Сократу удалось встать. Поначалу ему показалось интересно стоять, в то время как поезд шёл, но потом ему и это наскучило и он захотел чего-то другого.

– Мы не нарушим правил, если пойдём и устроимся там, где никто ещё не сидит? – шепнула Аврора папе.

– Всё в порядке, – ответил папа. – Как раз поэтому удобно ездить зимой в поезде. В нём просторно.

Аврора подвела Сократа к четырём незанятым креслам. Здесь они могли свободно посидеть и представить себе, что это они управляют поездом.



– Будто мы с тобой едем одни, самостоятельно, – сказала Аврора.

– И будто я – твой папа, – решил Сократ.

– Нет, ведь это я – взрослая. Давай сделаем вид, будто каждый из нас едет сам по себе, совершенно самостоятельно. Ты садись здесь, а я – вон там!

– Хорошо. – Сократ был ужасно доволен тем, что Аврора играет с ним как со своим сверстником. Он чувствовал себя совсем взрослым и взглянул на сестру. Как она к нему относится? Но она только кивнула ему головой. Она сидела и притворялась, будто она – это мужчина с папкой, который сидит и смотрит в окошко.

Сократу не нравилось, когда Аврора не обращала на него внимания. Он взобрался на стол и посидел немного на новом месте. Отсюда вести поезд, как он считал, было приятнее. Поезд будто летел по воздуху.

Но потом, когда и это ему надоело, он слез и встал перед мужчиной, который в самом деле ехал куда-то по делам совершенно один. Мужчина за своей газетой словно проснулся и взглянул на Сократа.

– Привет, – сказал он. – Как тебя зовут?

– Сократ. И ещё Нильс и Теге. А как зовут тебя?

– Меня зовут только Нильс, но ещё по фамилии Берамсен, и я не Сократ.

– Ах, какой ты несчастный.

Когда Аврора услышала, что Сократ разговаривает с мужчиной, она тоже быстро слезла с кресла и превратилась в обычную Аврору.

– Это твоя сестра? – спросил мужчина.

– Да. – Сократ строго взглянул на сестрёнку и добавил: – Скажи, как тебя зовут!

– Аврора. – И она обратилась к тому, кто назвал себя «только Нильсом» и ещё Берамсе-ном: – Вы едете совершенно один?

– Ну сейчас – да. А дома у меня есть маленькая дочка, совсем как ты, и ещё два больших мальчика.

– Ах, вот как, а я-то думала, вы совсем одинокий.

– Нет, я одинокий, только когда в дороге. А в дороге я постоянно.

Дзинь-дзинь! – прозвучал маленький колокольчик в руке у проходившего по коридору человека в белом пиджаке. Колокольчик походил на настоящий золотой, хотя, конечно, золотым не был, а скорее всего, латунным. Он бренчал и в то же время звенел.

– Добро пожаловать в вагон-ресторан на завтрак. Свободные места к вашим услугам.

– Мы туда пойдём? – спросила Аврора.

– Нет, – ответила мама. – Но мы там пообедаем, когда будем проезжать горы.

Аврора уже была в горах один раз летом, но она никогда не видела их зимой. Как замечательно, что поезд пойдёт по горам. Интересно, он будет взъезжать на вершины, а потом съезжать с них вниз?

Ничего подобного, поезд мчался по горным равнинам, а высокие вершины пролетали мимо них справа и слева. Время от времени они пропадали: их заслоняли изгороди, защищавшие путь от заносов. Так что даже в метель, когда ничего кроме летящего снега не видно, колёса сами находили железные рельсы. Но сегодня стояла прекрасная погода и снег сверкал на солнце. Семья Теге уютно расположилась у окна в вагоне-ресторане и с аппетитом обедала, любуясь горными видами.

Один только Сократ ими не восхищался. Он, сопя, был полностью поглощён едой.

На десерт им подали чернослив с молоком. Мама, папа и Аврора наливали в тарелку с черносливом молоко из кувшинчиков, и когда папа хотел помочь в этом Сократу, тот рассердился: если другие наливают себе молоко в тарелку сами, почему не сумеет то же самое сделать он? И он сумел бы налить себе молоко, если бы вагон не качнулся как раз в тот момент, когда он наклонил кувшинчик, и вместо тарелки Сократ вылил его на себя.

Ничего страшного не случилось, но это было страшно обидно – он ведь знал, что смог бы налить себе молоко аккуратнее.

– Это не из-за тебя, – поспешила успокоить его Аврора. – Понимаешь, это качнулся поезд.

Сократ поджал губки, потом открыл рот, но не разревелился, как делал это обычно в те моменты, когда действительно злился, он просто молча заплакал, так что его слёзы покатались на черносливины.

Возле них тут же появился человек в белом пиджаке с кувшинчиком молока, и мама хотела налить молоко в тарелку Сократа, но папа сказал:

– Сократ справится с этим сам, нужно только подождать, пока поезд не пойдёт по рельсам ровнее.

Сократ взглянул на папу, твёрдо взял свой кувшинчик в руки и осторожно, очень осторожно налил молоко. На этот раз у него получилось. Губы Сократа вернулись на своё обычное место, слёзы тут же перестали катиться, и он благоговейно съел все до одной черносливины, а из косточек выложил в тарелке круг.

Все сидели и с облегчением и радостью наблюдали за благополучной развязкой.

Но когда они поднялись, чтобы пойти и занять прежние места, Сократ обнаружил, что история с черносливом и молоком ещё не закончилась. Его брючки и свитерок промокли насквозь.

– Вот ведь беда, – сказала мама. – Вся одежда Сократика лежит в одном из десяти чемоданов.

– Она так и останется в багажном вагоне, – сказал папа. – Мы не сможем достать её оттуда сейчас.

Мама с папой пошептались, и папа забрал Сократа с собой в туалет. Когда они вышли, Сократ выглядел импозантно. Вместо штанов папа надел на него свою футболку, а вместо свитера – мамину кофту, на ногах красовались папины варежки, они стали чем-то вроде колготок.

– А как мы поступим с его промокшей одеждой? – спросила мама. – Не можем же мы сойти с поезда в таком виде.

– Под моим креслом тепло, – заметил папа. – Наверное, где-то там расположены батареи.

Аврора походила по вагону а потом крикнула:

– Вот здесь, здесь тоже очень тепло.

В результате мокрые трусики Сократа попали на тёплую трубу, проходившую чуть ниже кресла, его рубашка – на трубу под другим креслом, свитерок устроили под третьим, брючки – под четвёртым, а два маленьких чулочка – под пятым. Так вагон никогда ещё не украшали, и батареи сделали всё, что могли, чтобы высушить одежду Сократа. Сам же он в это время спал.

На улице стемнело, но Аврора увидела, как на окне появились капли воды.

– Хоть сейчас и зима, но, похоже, здесь идёт дождь, – сказала она.

– Мы, наверное, приближаемся к Бергену, – предположил папа.

– Да, но зимой дождей не бывает, – возразила ему Аврора.

– Это, конечно, верно. Кстати, заметим, наши плащи тоже лежат в одном из десяти чемоданов.

– А мы сразу возьмём такси и доедем в них прямо до теплохода, – сообщила мама.

– Тогда придётся брать сразу два такси, чтобы довезти все десять чемоданов.

– Ладно! В конце концов, мы переезжаем в Нурланн не каждый день, – подытожила мама.

Рейсовый теплоход на север

Ну вот, мы привезли на станцию Берген дождь, – сказал папа.

На вокзале было шумно. Из репродукторов неслись объявления, звучащие очень непривычно – по-бергенски.

Они взяли два такси, уложили свои чемоданы, и Аврора села у окошка в одной из машин. Тут она заметила, что дома в Бергене как бы парили в воздухе и дожде. Она очень удивилась.

– Это только кажется, потому что сейчас темно, – сказал папа. – Здания в Бергене стоят на возвышенности. Я думаю, что, когда Сократик чуть подрастёт, мы вернёмся сюда и остановимся на несколько дней. Здесь есть на что посмотреть.

Аврора с интересом глядела на их скоростной рейсовый теплоход.

– «Гага», – торжественно прочитал папа его название. – Теперь вы поняли? Наша поездка пошла всерьёз. Там уже готова для нас каюта.

Они поставили чемоданы к горе остальных. Только один из них, с туалетными принадлежностями, взяли с собой. Папа подошёл к человеку в маленькой комнатке за стеклом.

– Меня зовут Эдвард Теге. Нам нужна каюта второго класса на четверых.

– Сейчас посмотрим, – сказал моряк и указал карандашом на список в своей тетради. Потом покачал головой. – Нет, не сходится. – Потом он перелистнул страничку, и лицо его посветлело. – Вы же едете первым классом!

– Нет, не первым, – горячо возразил папа. – Об этом и речи идти не может. Я сам платил за второй класс.

– Вот письмо, – сказал моряк. – Может, оно объяснит вам всё?

Папа раскрыл письмо и прочитал вслух:

– «Дорогой сынок! Я считаю, что в первую длительную поездку на другой конец страны ты должен отправиться со всеми удобствами, поэтому я немного доплатила и вы поедете сразу в двух каютах первого класса. Привет тебе! Мама».

– Нет, ну что с такой мамой поделаешь! – воскликнул папа.

– Лучше всего написать ей и поблагодарить, – сказала стоявшая рядом мама. – А сейчас пойдём и отыщем эти каюты.

Каюты располагались рядом, и в каждой стояло по две кровати.

– Мы с Сократиком будем жить вместе! – воскликнула Аврора. – И снова будем играть в двух взрослых, которые отправились в путешествие.

– Не будем спешить, – сказал папа. – Пожалуйста, занимайте каюту днём, а на ночь мы вас разберём. На море бывает всякое, и самое правильное, чтобы рядом с каждым из вас был взрослый.

– Я думаю, мы с Авророй будем жить здесь, – решила мама. – А в пути будем ходить друг к другу в гости сколько хотим.

– Так это же всё равно что жить дома в одной квартире, – обрадовалась Аврора. – И, посмотри, мама, у нас здесь есть и комод и умывальник, а вот на стене висит спасательный жилет. Можно, я его примерю?

Жилет был восхитительный, оранжевый и, как кажется, совершенно новый, хотя Авроре он был великоват. А когда в него влез Сократ, жилет накрыл его целиком вместе с ногами и выглядел скорее как спасательное пальто. Когда папа стал снимать его с Сократа, тот упёрся, повторяя:

– Он мой, я хочу всё время носить его.

– Жилет принадлежит теплоходу, – уговаривал его папа. – Если бы ты носил его всё время, ты бы обязательно на что-нибудь натолкнулся и мог бы его испортить.

– Я не хочу, чтобы все видели.

- Что видели? – не понял папа.
- Вот это. – И Сократ ещё сильнее прижал к себе жилет.
- Я поняла, в чём дело, – сказала Аврора. – У него пятна на штанишках после приключения с молоком.
- Ну хорошо, – сказал папа. – Мы тебя переоденем. Тебя это устроит, Сократик?
- Ну да, – ответил тот. Сократ, хотя и был ещё маленький, не хотел, чтобы другие видели, как он, пусть не по своей вине, вымазался.

Когда время отправления теплохода приблизилось, Аврора так устала, что почти уже на ногах не стояла, она ведь в отличие от Сократа не спала в поезде. Но она всё равно не хотела ложиться спать, и папа обещал, что не будет её укладывать. Они оба оделись и вышли на верхнюю палубу. Отсюда они увидели ещё больше огней, чем из машины, ведь все они отражались в море, и всегда потом, когда Аврора вспоминала о Бергене, она мысленно представляла перед собой дома в воздухе и отражающиеся в воде огни.



Наконец теплоход прогудел три раза, словно он прощался с городом и, как и подобает, благодарил его за гостеприимство. Но Сократу гудки не понравились. Он натянул на голову мамину кофточку и сказал:

- Не надо гудеть, не надо гудеть.
- Теплоход должен объявить, что он отправляется, – сказала папа, – и у него такой красивый гудок, разве ты не слышишь?
- Но Сократ отрицательно затряс головой, по его мнению, сигнал теплохода звучал ужасно.
- А теперь пора укладываться спать, – сказал папа. – Утром мы встанем рано, чтобы как следует оглядеться.
- Да, мы пока ещё ничего здесь не видели, – согласилась Аврора. – И даже не знаем, долго ли нам ехать до Нурланна.
- Если проснёшься ночью, подумай о рыбацких лодках, которые проделывали свой путь в темноте, правя только на редкие маяки. А теперь мы идём на большом судне, и нам светят маяки на каждом втором островке впереди. К тому же наш теплоход снабжён устройством,

которое называется радаром. Радар показывает скалы и корабли на пути. Спокойной ночи, Аврора! Мама о тебе позаботится.

– И обо мне, – заявил Сократ.

– За тобой присмотрит папа, – сказал папа, и они оба исчезли в своей каюте.

– Ну вот, – сказала мама, – а теперь, Аврора, постарайся заснуть, у тебя был долгий и утомительный день.

На широкой постели лежать удобно, а тут ещё и мама устроилась на своей кровати, так что они были вместе, почти рядом. Мама перед сном чуточку почитала, а Аврора заснула сразу. Она спала несколько часов, но потом проснулась оттого, что вроде бы встала на голову, хотя ни разу даже не шевельнулась, что было очень странно, ведь в следующий миг она уже стояла на ногах, а потом на голове – опять. Как интересно! Она словно бы сидела на той самой скачущей на месте лошади. Вверх – вниз, вверх – вниз. Аврора чуть было не рассмеялась.

Но тут же с маминой постели раздался глубокий вздох.

– Авророчка, как это ужасно.

– А мне кажется, интересно.

– Я вроде бы не больна, – сказала мама, – но стоит только пошевелиться, как мне сразу становится плохо. Попробуй подать мне мою сумочку и стакан воды. У меня кружится голова. Надо выпить таблетку. Я забыла принять её вечером, понимаешь? Держись на ногах твёрже, Авророчка!

Мама включила свет, и обстановка каюты стала ещё более странной. Теперь уже не только Аврора, но и вся каюта ходила ходуном, словно совершая странные упражнения.

Аврора, держась за кровать и как можно шире расставив ноги, стала качаться вместе с каютой. Потом она ухватила сумочку и стакан. Налить в него воды сразу не удалось, стакан не хотел качаться вместе с каютой, и Авроре всё время приходилось смотреть в него, чтобы не расплескать воду. Наконец маме удалось взять стакан.

– Спасибо тебе, Авророчка. Теперь ложись. Как же мне повезло, что ты оказалась рядом.

В дверь постучали. Авроре вновь пришлось встать. В двери стоял папа с Сократом на руках. Лицо у папы побелело как мел, но Сократ спал спокойно и мирно.

– Вот и я, Аврора, – сказал папа. – Положи его, пожалуйста, к себе! Мне сейчас с ним не справиться. Мне сейчас справиться бы с самим собой.

И папа быстро исчез в своей каюте.

– Мы сейчас сядем каждый на разных концах кровати и будем плавать на волнах вверх и вниз, – предложила Аврора Сократу.

– Ага, – согласился он. – Это весело.

И он приплыл к Авроре, после чего Аврора приплыла к нему.

Мама лежала с закрытыми глазами и не понимала, как её дети могут в такой обстановке играть. Но хорошо, что они играют. Во всяком случае, они с ней, если ей что-нибудь понадобится.

Аврора с Сократом долго играли в свою игру, но постепенно стали скатываться друг к другу всё медленнее, пока наконец судно не прекратило свои упражнения, и Аврора с Сократом заснули и встали утром уже совершенно отдохнувшими. Аврора взглянула на маму, но та натянула одеяло на голову и полностью под ним скрылась.

– Мама, – позвала Аврора, – ты проснулась?

Мама не отвечала, но Аврора видела, что она ещё глубже зарылась в одеяло и, значит, разговаривать не хотела.

– Пойдём навестим папу! – прошептала Аврора Сократу.

– Ага, – ответил он и напустил на себя таинственный вид. Он сам не мог бы сказать, почему он это сделал, но всегда, когда Аврора что-нибудь шептала ему, это означало, что она хочет сообщить ему что-то очень важное, и он ужасно это любил.

Они пошли к папе и попробовали его разбудить. Они долго будили его, и наконец-то он пробормотал:

– Идите поешьте чего-нибудь, я сегодня, наверное, пропущу завтрак.

– Идём! – звала его Аврора. – У нас что-то случилось с мамой.

– Мамы нет, мамы нет, – повторял Сократ. – Идём, – прошептал он, придвигаясь поближе к папе и глядя ему в глаза.

– Хорошо. Я иду. А где мама? Наверное, она вышла на палубу глотнуть свежего воздуха. Неплохая идея. Я приду сию же минуту. Только что-нибудь на себя накину.

Когда они вошли к маме в каюту, она лежала и плакала, она даже забыла накрыться с головой одеялом.

– Ох, что же это случилось? – спросил папа. Мама снова попыталась натянуть на голову одеяло, чтобы никто не видел, как она плачет, но папа задержал её руки и сказал: – Плакать под одеялом душно. Не стесняйся и скажи, что тебя расстроило.

В самом деле, что же случилось с мамой? С ней, такой деловитой и всегда спокойной. Нос у неё покраснел даже больше, чем у папиной мамы, когда та провожала их на поезд. Всклипывая, мама попыталась им объяснить:

– Что с нами будет, Эдвард? Помощницу судьи в Нурланне не должно тошнить на море. Уж лучше бы я поступила на работу в Бесбю, как советовала твоя мама. Представь себе, я вхожу в зал суда и падаю в обморок... Что с нами будет?..

– Ты зря тревожишься, милая. Я ведь тоже этой ночью не был на высоте. Больше того, мне было гораздо хуже, чем тебе. Но морская болезнь проходит. Мы ведь с тобой настоящие сухопутные крысы.

– Да, но вот Аврора не болела совсем. И Сократик тоже.

– Мы в это время играли, – вмешалась Аврора.

– Вот именно, – сказал папа. – Но я, кажется, знаю, что нам делать. Если подумать, это так просто.

Мама тут же всхлипывать перестала, а Аврора с Сократом перебрались на её кровать и сели рядом с папой.

– Когда мы приедем в Нурланн, мы построим рядом с домом качели. Но не такие маленькие, как для детей. Нет, мы построим их высокие и вместительные. Днём пускай на них качаются дети, но вечером, как только стемнеет, мы будем раскачиваться на них вверх и вниз до головокружения. И постепенно привыкнем к качке. Мы избавимся от морской болезни и будем играючи переносить любые волны.

Мама лежала, глядела на него, а потом засмеялась, хотя до сих пор потихоньку плакала.

– Прекрасно, Эдвард. Это самое умное, что я до сих пор от тебя слышала.

Папа тоже засмеялся, а Аврора с Сократом не смеялись: над качелями смеяться не стоило. Это же такое замечательное устройство! Они могут на них играть. И не расстраиваться, что не знают никого из детей Нурланна.

«Гага» даёт гудки

Семья Теге оделась, прошла вдоль кают и взобралась по лестнице с гладкими коричневыми перилами в кают-компанию. Там были длинные окна по всем стенам, множество красных и синих кресел, а пол немного поднимался в середине зала.

– Вот здесь мы можем удобно расположиться, – сказал папа, – но сейчас пойдём в столовую.

В ней тоже стояло множество столов и синих стульев. И здесь тоже можно было удобно расположиться: сидеть, есть и глядеть в окна точно так же, как в поезде.

– Посмотри на горы, Аврора, – сказал папа. – Они спускаются прямо в море.

– А вон Только Нильс! – воскликнул Сократ. – Вон сидит Только Нильс.

– О ком он говорит? – спросил папа.

– О Нильсе Берамсене, – объяснила Аврора. – Он познакомился с ним в поезде.

– Ага, ты тоже здесь! – воскликнул Только Нильс. – А я как раз закончил завтракать, но теперь перейду в кают-компанию, так что приходи, поболтаем!

– Интересно, – хмыкнул папа. – Я выпью только чашечку чая. Что-то я сегодня не голоден.

– И я тоже, – сказала мама, – но я посижу здесь и полюбуюсь видами. А вы, Аврора с Сократиком, идите к стойке и наложите себе что-нибудь поесть.

– Идём, Сократик! – позвала Аврора. Поднявшись, она хотела отставить стул, но тот был прикован к полу толстой железной цепочкой, и ей пришлось слезть с него, не отодвигая.

На стойке, протянувшейся на всю длину столовой, было много вкусной еды. Чего только тут не было: самые разные подносы с выставленными на них в кувшинчиках подливами, подносы с жареными колбасками, рыбой, фрикадельками, сыром разных сортов, хлебом, хрустящими хлебцами, сухариками и вареньем, разные соки и молоко. И перед всем этим великолепием стояли одни только Аврора с Сократом. Аврора взяла тарелку и подала её Сократу. «Пожалуйста», – сказала она. Сократ взглянул на еду, а потом – на Аврору, которая стояла напротив блюда с козым сыром. Головка сыра была намного больше той, которую они видели дома, но всё равно она показалась Авроре такой привычной и знакомой. Вот только вершинка сыра располагалась так высоко, что отрезать от неё кусочки не получалось: для этого нужно было встать на стул. Зато совсем рядом лежали колбаски и хлеб. Аврора взяла их и положила на свою тарелку, добавив ещё немного варенья.

– Пойдём сядем за столик, – предложила Аврора. – Я поделю то, что взяла, ровно напополам.

– Хорошо, – согласился Сократ. Он уже нашёл для себя одну черносливину, и она одиноко лежала на его тарелке. Зато она была самого высшего сорта!

– Что вы скажете, если я пойду и прилягу ещё, – сказала мама, – я ведь этой ночью не выспалась, а сейчас успокоилась и хочу спать.

– Иди, отдохни! – согласился папа.

– А я пойду к Только Нильсу, – заявил Сократ и слез со своего стула.

– Хорошо, Сократик, мы с Авророй проводим тебя в кают-компанию.

Мужчина, которого Сократ назвал Только Нильсом, уже сидел в кают-компании, как и обещал, и, когда он увидел Сократа, его лицо расплылось в улыбке. Он сидел за столиком один и раскладывал пасьянс, но, когда Сократ подошёл к нему, смешал карты и сказал:

– Сейчас Нильсы поиграют друг с другом в карты.

– Ага, – согласился Сократ, хотя совсем не умел играть в карты и надеялся лишь на то, что Только Нильс его этому научит. И Только Нильс действительно знал игру, подходящую для Сократа. В ней требовалось набрать как можно больше «картинок», названия которых знать было необязательно.

– А я с Авророй пойду и осмотрю теплоход, – сказал папа. – Ты не хочешь пойти с нами, Сократик?

– Нет, я хочу играть с Только Нильсом, – сказал Сократ.

– Приятно слышать, – отозвался тот.

– Сейчас во фьорде между горами тихо, – сказал папа. – Я думаю, мы начнём осмотр с машинного отделения, но тогда нам придётся выйти на палубу и тебе там может быть холодно, Аврора.

– Мы же быстро.

Когда Аврора выглядывала из окна кают-компаний, снаружи холодно не казалось, но, когда они открыли дверь на палубу и вышли, дыхание перехватило от холода. Дул сильный ветер (всё-таки это была зима), да и судно шло быстро, и косички Авроры развевались, как хвост воздушного змея.

– Вот сюда, внутрь, – сказал папа, – вот кабинет начальника машинного отделения. Постучим!

Внутри сидел человек и читал книгу.

– Не будет ли чересчур большой смелостью попросить у вас разрешения посмотреть машину? – спросил у него папа.

– Раз уж вы просите, я вам её покажу. – И хотя мужчина отдыхал, он отложил книгу и сказал: – Идёмте со мной! Ты, девочка, повернись лицом к лестнице и спускайся вниз задом наперёд, так будет безопаснее. Первым пойду я, ты потом, а последним будет спускаться твой папа.

– Держись крепче, Аврора, и думай только об одной ступеньке за один раз, – предупредил папа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.